



Натали Бурма

Сердце
Тенебраса.
Кровь
полумесяца

Натали Бурма

Сердце Тенебраса. Кровь полумесяца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73110008

SelfPub; 2026

Аннотация

Санкт-Петербург. Город, где за фасадом роскоши и истории веками длится тихая война. Два клана вампиров – аристократы «Сангвис» и технократы «Ноктюрн» – соблюдают хрупкий «Пакт теней». Всё меняется, когда наследник клана Леон встречает Олесю, обычную студентку-искусствоведа.

Её кровь пахнет так, как не пахло ничего за столетия. Она – живой ключ к древнему артефакту «Сердце Тенебраса», способному перевернуть баланс сил. Ради неё Леон предаёт свой клан и вступает в смертельную игру, где врагами становятся и отец, и безжалостный лидер Ноктюрн. Вместе с Олесей они должны найти артефакт первыми, чтобы раскрыть его истинную суть: это не оружие господства, а зеркало, способное напомнить бессмертным хищникам об утерянной человечности.

Это история о запретной любви, разрывающей вечные устои, и выборе, который стоит целой вечности. «Сердце Тенебраса» – не просто битва за власть – это битва за саму душу ночи.

Содержание

ПРОЛОГ: КРОВАВАЯ ЖАТВА	4
ГЛАВА 1: ТЕНЬ НА БАЛУ	10
ГЛАВА 2: ЗАПРЕТНЫЙ АРОМАТ	21
ГЛАВА 3: ПРОБУЖДЕНИЕ СИЛЫ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Натали Бурма Сердце Тенебраса. Кровь полумесяца

ПРОЛОГ: КРОВАВАЯ ЖАТВА

Санкт-Петербург. Октябрь 1914 года.

Война гремела где-то далеко, на границах империи, но здесь, в колыбели революций, уже пахло не порохом, а медным привкусом страха и грядущих перемен. Однако та война, что должна была вспыхнуть этой ночью, была куда древнее и беззвучнее. Она велась не за земли, а за саму душу ночи.

Местом последней ставки стали Екатерининские каналы – не парадные набережные, а глубокие, сырые кирпичные коллекторы, куда стекали воды реки Кривушы, заключенной в трубу еще при Екатерине II. Это был настоящий подземный город: своды, поросшие лишайником и грибами, ржавые решетки, тихое журчание черной воды под мутными льдинами первого льда. Сюда не доносился гул трамваев с Садовой улицы, лишь изредка – заглушенный толщей земли и ас-

фальта грохот проезжающей конки. Воздух был густым от запаха влаги, гнили и вековой плесени.

Двое мужчин стояли друг против друга на узкой, скользкой технической площадке из лиственницы. В свете двух газовых горелок, закрепленных на крюках в кирпиче, их лица казались высеченными из мерзлого известняка.

Кассиус, глава клана «Сангвис», был облачен в темное пальто поверх безупречного сюртука, на шее – белый шарф, как у гусара в отставке. Его черные волосы с проседью у висков были идеально убраны, взгляд – холодный, как воды канала зимой. В руках он сжимал не шпагу, а узкий эстокадный клинок из черненой стали, на гарде которого красовался изысканный герб: капля крови, обвитая виноградной лозой.

Его противник, назвавший себя Эребусом, лидер возрастающего клана «Ноктюрн», носил практичный кожаный плащ поверх простой, но добротной одежды. В его облике не было аристократизма, только жесткая, почти индустриальная эффективность, сгусток новой эпохи. Его оружие – широкий, короткий тесак с массивной рукоятью, похожий на те, что любили портовые грузчики или рабочие Путиловского завода. Его эмблема, брошь на отвороте, – стилизованная летучая мышь с расправленными крыльями, впивающаяся в шестерню.

Между ними, на мшистом выступе старого фундамента, лежала причина их встречи. Её нельзя было назвать просто «кристаллом». «Сердце Тенебраса» было сложным устройством, артефактом неведомой эпохи. Основа – шар из темного, почти черного металла, испещренный тончайшими серебристыми прожилками, словно карта звёздного неба. В его центре, за толщиной материала, пульсировал тусклый багровый свет, отдаленно напоминающий сердцебиение. От шара отходили тонкие дуги и спицы, образуя ажурную, но несокрушимую сферу.

«Он никогда не должен был быть найден», – голос Кассиуса звучал глухо, заглушая вечное журчание воды. «Сила, которую он сулит... это не власть. Это сумерки для нашего рода. Равновесие – вот наш единственный шанс на вечность».

«Равновесие?» – Эребус усмехнулся, и его улыбка была лишена тепла, как сталь. «Равновесие между вечным страхом и вечным голодом? Ты цепляешься за свои особняки на Английской набережной, Кассиус, как утопающий за соломинку. Мир рушится! Машины, толпы, новые идеи. Они скоро сметут твои салоны. Кто выживет? Призраки вчерашнего дня или новая порода? «Сердце» даст силу не просто убивать. Оно даст силу пересоздать. Новый порядок. Где наша порода займет подобающее ей место – на вершине пищевой

цепи, у руля прогресса».

Он сделал шаг вперед, и его ботинок гулко стукнул по доскам. В тени арочных проходов, ведущих в другие тоннели, зашевелились фигуры. Со стороны Кассиуса – несколько аристократичного вида мужчин и женщин в темных плащах, их стойки были отточены, как в старинном дуэльном кодексе. Со стороны Эребуса – больше людей, одетых грубее, в рабочей одежде, с жесткими, голодными лицами городской ночи. Это была не стычка – это была первая открытая битва Войны Клыков в новом, кровавом веке.

Сигналом стал не крик, а резкий, сухой щелчок костяшек пальцев Эребуса.

То, что последовало далее, было безумием, невидимым для человеческого глаза. Вспышки бледных зрачков в полумраке, слияние теней, звон металла о кирпич и железо. Глухие удары, хруст, сдавленные вскрики на забытых языках и новом, уличном жаргоне. «Сангвис» держались школой фехтования, доведенной за века до сверхъестественной грации. «Ноктюрн» бились жестоко, прагматично, используя среду: отбрасывая противников в ледяную воду, кидаясь обломками труб, ослепляя горстями известковой пыли.

Кассиус и Эребус сошлись в центре, их оружие сплелось в

смертельном танце, искры от ударов падали в черную воду. Силы были равны. Отчаявшись переломить ход, Кассиус в яростном рывке парировал удар, отбросил Эребуса к перилам и схватил артефакт.

«Оно не достанется ни тебе, ни мне! Прощай, безумец!» – крикнул он, и изо всех сил швырнул «Сердце Тенебраса» в самый центр подземного потока.

Багровый свет на мгновение очертил дугу, словно падающая кровавая звезда, и с глухим, окончательным всплеском исчез в пучине. Вода на секунду окрасилась в багрянец, который тут же поглотила тьма.

Все замерли. Цель битвы, её смысл, её приз – исчезли в ледяной глубине.

В звенящей тишине, нарушаемой лишь тяжелым дыханием и журчанием воды, стало ясно – продолжать бессмысленно. Убить друг друга они могли, но победу не одержал бы никто.

Через три ночи, в кабинете одного из нейтральных вампиров, служившего советником в Городской Думе, был подписан «Пакт Теней». Чернила были самыми дорогими, бумага – с водяными знаками. Текст, составленный на смеси латыни

и старославянского, делил город на сферы влияния, запрещал открытое насилие и охоту, предписывал скрывать свое существование. Кассиус и Эребус, стоя по разные стороны дубового стола, обменялись кивками – не примирения, а отсрочки. Война не закончилась. Она ушла в подполье, превратившись в тихую, беспощадную борьбу за влияние, ресурсы, территории человеческих душ.

А «Сердце Тенебраса» осталось лежать в илистом ложе подземной реки, в царстве крыс и забытых вещей, ожидая того, чья кровь сможет его по-настоящему пробудить. Или того, кто найдет его первым.

ГЛАВА 1: ТЕНЬ НА БАЛУ

Современный Санкт-Петербург. Ноябрь.

Ледяной дождь сеял колючую изморось над Невой, превращая огни дворцов в размытые акварельные пятна. Но в самом сердце города, в отреставрированном особняке на Миллионной улице, царил иной климат – искусственный, парниковый, отрешенный от смены сезонов. Здесь проходил ежегодный «Бал Алого Полумесяца», главное светское событие вампирского сообщества, призванное продемонстрировать соблюдение Пакта Теней.

Леон стоял у огромного окна, за которым бушевала настоящая погода, и чувствовал себя экспонатом в этом идеально сохранившемся музее. Его пальцы слегка сжимали хрустальный фужер с «рубиновым нектаром» – синтетическим заменителем крови премиум-класса, подкрашенным и ароматизированным до полной неузнаваемости. На вкус – дорогая пыль с привкусом тщеславия.

Зал сиял. Люстры времен Александра Второго, отреставрированные с безупречной точностью, отражались в паркете, натертом до зеркального блеска. Дамы в платьях от кутюр, стилизованных под кринолины и турнюры, но сши-

тых из современных умных тканей, мягко шуршали, перемещаясь по залу. Кавалеры в смокингах, безупречные, как манекены, обменивались тихими репликами. Музыка – струнный квартет, игравший переложения современных саундтреков в манере Чайковского – лилась сладким, убаюкивающим ядом. Все было прекрасно, мертво и невыносимо фальшиво.

«Леон».

Голос отца, Кассиуса, прозвучал прямо за его плечом, тихо, но с той неотвратимой силой, что заставляет выпрямляться по стойке «смирно». Леон медленно обернулся.

Кассиус выглядел, как всегда, – воплощением нестареющей власти. Его темно-серый смокинг сидел безукоризненно, в седеющих висках – мудрость, во взгляде – сталь. В его левой руке был такой же фужер, но он, кажется, даже не прикасался к нему губами.

«Ты дистанцируешься, сын. Это заметно. Старейшина Волинский спрашивал, не болен ли ты».

«Я в полном порядке, отец. Просто... устал от декораций».

«Это не декорации, Леон. Это ритуал. Наша стена. Наш щит. Каждый жест, каждое слово здесь – кирпич в укреплении».

нии позиций Сангвис. Ноктюрн наблюдает». Кассиус кивнул в сторону группы у рояля. Там, среди аристократов, выделялось несколько фигур. Они были одеты не менее безупречно, но в их манерах, в чуть более свободных позах, в прямых взглядах чувствовалась иная энергия – энергия новых денег, технократии и скрытой угрозы. Эребуса среди них не было, но его люди были тут. «Они мечтают, чтобы мы ослабили хватку. Чтобы мы заигрались в человеческие сантименты. Не дай им повода».

«А что, если наша хватка сама по себе стала проблемой?» – вырвалось у Леона, прежде чем он успел взвесить слова.

Холод в глазах Кассиуса стал абсолютным. «Проблема – это слабость. Забвение долга. Ты – последний прямой наследник нашей линии. В твоих жилах течет кровь основателей. От тебя ждут не философских вопросов, а действий. Найди способ возвысить клан. Используй любые средства, но сохрани то, что есть. Или все это...» Он чуть заметно, но выразительно оглядел зал, «...растворится в их новом, жестоком мире. Как сахар в воде. Подумай об этом».

Он коснулся плеча Леона, жест, который должен был выглядеть отеческим, но ощущался как постановка клейма, и растворился в толпе, оставив после себя морозное молчание.

Леон вздохнул и снова повернулся к окну. Отец был прав. Это была игра, и правила в ней не менялись веками. Он чувствовал себя актером, запертым в спектакле, который идет уже тысячу лет и из которого нет выходов. Вечный холод, вечная маска, вечная война в шелковых перчатках.

И именно в этот момент его настиг Запах.

Он ворвался в сознание не через обоняние, а словно через пролом в самой реальности. Сначала – просто нота в густой смеси духов, воска, пищи и старого дерева. Потом она окрепла, выделилась. Это была не просто сладость. Это была... полнота. Звук самой глубокой тишины после долгого гула. Вкус первого глотка чистой воды после вековой жажды. Тепло живого очага в вечной мерзлоте его существования. В нем была сладость спелой малины и терпкость темного шоколада, но под этим – невероятная, звенящая чистота, свежесть горного воздуха после грозы, смешанная с нежным, пьянящим ароматом ночного жасмина.

Его кровь, всегда спокойная и холодная, словно взорвалась. По венам пробежал не просто голод, а мучительный, сокрушительный зов. Клыки набухли, едва не прорезая десну. Он инстинктивно прикрыл рот тыльной стороной ладони, чувствуя, как все его существо, все веками натрениро-

ванные инстинкты охотника кричат одно: «НАЙТИ!»

Это был запах Крови. Но такой, какой он не чувствовал никогда. Он был живым. Он был самой жизнью.

Леон, движимый слепым импульсом, пошел на этот запах, как лунатик. Он прошел через танцующий зал, не замечая взглядов, миновал столовую с ее ледяными изысками, вышел в зимний сад. Здесь было прохладнее, пахло землей, влагой и экзотическими растениями под искусственным светом. И здесь запах стал нестерпимо сильным.

Он свернул за массивную оливу в кадке и увидел ее.

Девушка в простом темно-синем платье и теплом, потертом кардигане. Она стояла на небольшой стремянке, поправляя композицию из белых орхидей и красных ягод на высокой этажерке. Рядом валялась коробка из-под цветов, упаковочная пленка. Она была помощницей флориста, задержавшейся, чтобы доделать работу после официального оформления.

Олеся. Он еще не знал ее имени, но его кровь выла от знания.

Она была... реальной. Незначительной деталью в без-

упречной картине бала. Прядь каштановых волос выбилась из небрежного пучка и упала на щеку. Она ловким движением заправила ее за ухо, сосредоточенно хмуря брови. На ее пальцах были следы от проволоки и земли. Она что-то напевала себе под нос, простую современную мелодию, и этот тихий, человеческий звук врезался в тишину его мира, как гром.

Леон замер, пожирая ее глазами. Его жажда бушевала, разум затуманился. Он сделал шаг вперед. Всего один. Чтобы приблизиться. Чтобы...

«Ну-ну, что мы здесь имеем? Заблудившаяся овечка?»

Голос прозвучал справа, из арки, ведущей в служебный коридор. Леон резко обернулся, мгновенно вернувшись в настоящее.

В проеме стоял вампир из клана Ноктюрн. Леон узнал его – один из молодых «ястребов», приближенных к Лилит. Его звали, кажется, Глеб. Он был в дорогом, но вызывающе современном костюме, волосы убраны гелем, во взгляде – наглая, хищная любознательность. Его ноздри чуть дрогнули. Он тоже почуял.

«Кажется, кейтеринг прислал не только закуски, но и...

главное блюдо, – сказал Глеб, облизывая губы. Он медленно вошел в зимний сад, явно игнорируя Леона, его взгляд был прикован к Олесе. – Не положено слугам задерживаться после сдачи объекта, милочка. Нарушение контракта».

Олеся вздрогнула, обернулась и, увидев двоих мужчин, инстинктивно отступила, наткнувшись на этажерку. Орхидеи дрогнули.

«Я... я почти закончила. Сейчас соберусь и уйду».

«Не торопись, – Глеб улыбнулся, обнажив идеально ровные, и слишком острые клыки. Он сделал шаг к ней. – У нас тут как раз перерыв. Может, покажешь, что еще умеешь, кроме цветочков?»

Леон, до этого момента бывший статуей, встроился между Глебом и стремянкой. Его движение было плавным, без резкости, но неотвратимым, как движение двери сейфа.

«Она права. Работа закончена. Ей пора».

Голос Леона звучал тихо, но с той ледяной, не допускающей возражений интонацией, которую он перенял у отца.

Глеб медленно перевел на него взгляд, смерив с ног до го-

ловы. «А, наследник. Прошу прощения, не заметил. Но какое, собственно, дело тебе до обслуги? Сангвис теперь и горничных опекают?»

«Это частная территория, на которой проходит мероприятие, регулируемое Пактом, – отчеканил Леон. Он вспомнил каждую букву свода правил. – Пункт седьмой: «Всяческая деятельность, способная привлечь внимание или причинить вред смертным в зонах проведения официальных церемоний, строжайше запрещена». Ты собираешься его нарушить? На глазах у полусотни свидетелей?»

Он не повышал голос, но каждое слово падало, как увесистый камень. Глеб нахмурился. Ему была не важна девчонка, ему было важно проявить силу, досадить Сангвис. Но открытое нарушение Пакта на их же территории было бы глупостью, за которую Лилит с него бы кожу сняла.

«Я всего лишь выражаю интерес, – процедил он. – Бал такой скучный. Хотел развлечься».

«Развлекайся на танцполе, – холодно парировал Леон. – Или я буду вынужден доложить Совету Старейшин о твоём... чрезмерном интересе».

Слово «Совет» подействовало. Глеб скривил губы в подо-

бие улыбки. «Как скажешь, Кассиусевич. Храни свою... гуманитарную помощь». Он бросил последний жадный взгляд на Олесю, развернулся и исчез в коридоре.

В зимнем саду воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим гулом музыки из зала. Леон почувствовал, как напряжение медленно спадает, но запах, этот божественный, мучительный запах, все еще висел в воздухе, сводя его с ума.

Он обернулся к девушке, стараясь придать лицу нейтральное, даже слегка отстраненное выражение.

«Вам стоит уйти. Через служебный выход, вон там».

Олеся слезла со стремянки, ее глаза были широко раскрыты, в них читались испуг, недоумение и осторожная благодарность. Она быстро стала скидывать инструменты в коробку.

«Спасибо, – выдохнула она, не глядя на него. – Он... он был странный. Вы – охрана?»

Леон кивнул, не в силах вымолвить больше слов. Каждая клетка его тела требовала от него другого. Подойти. Прикоснуться. Укусить. Он сжал руки в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

«Да. Охрана. Уходите. Быстро».

Его тон прозвучал резче, чем он планировал. Олеся вздрогнула, схватила коробку и, пробормотав еще одно «спасибо», почти побежала к указанному выходу.

Леон смотрел ей вслед, пока дверь не закрылась за ней. Затем он прислонился к холодному стеклу витрины, закрыл глаза и сделал глубокий, ненужный ему вдох. В легкие снова ворвался остаточный шлейф ее аромата – жасмин и та самая кровь.

Трепет прошел по его телу. Но это был не только голод.

Впервые за многие-многие годы сквозь вековой лед его бессмертия пробилось что-то иное. Острое, жгучее любопытство. И смутное, забытое чувство, которое он с трудом опознал. Желание не обладать, а... защитить.

Он открыл глаза. В отражении в темном стекле на него смотрело бледное, отчужденное лицо наследника древнего рода. Но внутри что-то сдвинулось. Началось.

Бал вокруг него продолжался, но Леон уже его не слышал. Он слышал только эхо шагов на каменных ступенях и тихий,

настойчивый звон в собственной крови, который теперь звучал на две ноты: голод... и вопрос.

ГЛАВА 2: ЗАПРЕТНЫЙ АРОМАТ

Неделю спустя Леон все еще не мог избавиться от запаха. Он преследовал его повсюду: в стерильном воздухе его апартаментов в историческом здании на Английской набережной, в аромате дорогого чая, в самом даже запахе синтетической крови из холодильника. Он стал навязчивой идеей, фантомной конечностью, которую он постоянно ощущал. Его кровь, обычно тихий, холодный поток, теперь напоминала откликающееся на далекий маяк море – она «пела» тихим, неумолчным гулом при каждом воспоминании о той девушке. Это было ненормально, нарушало все законы его природы. Голод должен был утихнуть, перейти в фоновое раздражение. Но этот – лишь усиливался, трансформируясь во что-то более сложное и опасное.

Он пытался отвлечься. Просматривал отчеты по клановым активам (сеть виноделен в Крыму, паевые фонды, контрольный пакет акций модного дома). Участвовал в унылом совещании о «расширении культурного влияния» через спонсорство балета. Все было пропитано той же самой фальшью, что и бал. Его отец наблюдал за ним с холодной, оценивающей отстраненностью.

В конце концов, контроль лопнул. Однажды поздним

вечером, когда город укрылся плотным ноябрьским туманом, превращающим фонари в расплывчатые световые шары, Леон вышел. Он не строил планов. Он просто пошел туда, куда его вели ноги и тот внутренний компас, намагниченный одним-единственным запахом.

Его ноги сами принесли его в район Коломны, к старому, неказистому дому на набережной канала Грибоедова. Он не был похож на вампирское владение. Это был обычный человеческий дом с облупившейся штукатуркой. В одном из окон на третьем этаже горел свет. Запоздалая, неистребимая надежда или просто глупость заставила Леона использовать свои способности. Он нашел почти невидимую глазу лазейку – пожарную лестницу на глухом торце соседнего дома, ведущую на крышу. Оттуда, с высоты, через узкий промежуток между зданиями, открывался диагональный обзор в ее окно.

Он не видел деталей. Он видел силуэт. Смутные очертания фигуры, склонившейся над столом, подсвеченной теплым светом настольной лампы. Видел, как эта фигура иногда встает, проходит по комнате, останавливается у окна (и он вжимался в тень водостока). Видел размытое пятно монитора ноутбука. Это было все. Но даже этого контура, этой тени человеческой жизни, было достаточно, чтобы его тяга укрепилась, а холод внутри дал первую трещину.

Та самая жизнь, которую его вид давно покинул, которую они считали лишь ресурсом, фоном, статистами в своей вечной драме. И почему-то она казалась ему сейчас самой настоящей и ценной вещью на свете.

Он приходил и на следующие ночи. Узнал ее расписание: утром университет (он нашел ее факультет истории искусств на Менделеевской линии Васильевского острова), днем – работа в антикварной лавке где-то рядом с Сенной площадью, вечером – дом, учеба, иногда подработка флористом и встречи с друзьями в недорогих кофейнях. Он был тенью, идеальным шпионом, которого не видел никто. И с каждым часом наблюдения холод внутри него отступал. Древняя усталость, тяжким грузом лежавшая на плечах веками, казалось, по чуть-чуть испарялась, как этот ночной туман под утренним солнцем. Он впервые за долгое время чувствовал... интерес. А затем, к своему ужасу и изумлению, начал чувствовать нечто, отдаленно напоминающее умиротворение. Рядом с ее жизнью, даже на таком расстоянии, он чувствовал себя... живым. Не просто существующим. А именно живым.

Опасность этого осознания была очевидна. Он пытался сопротивляться, но тяга оказывалась сильнее. Так он узнал про лавку «Фолиант». Узкое, тонущее в полумраке помещение, забитое до самого потолка книгами, папками, старыми географическими картами, канцелярскими раритетами и

прочим хламом прошлых эпох. Воздух там пах пылью, кожей переплетов, старой бумагой и воском. Олеся копошилась там среди стеллажей, разбирая новые поступления, общаясь с пожилым владельцем – Владимиром Петровичем, типичным старым интеллигентом в жилетке и с лупой в руках.

Именно из лавки она вышла в тот роковой вечер. Было уже темно, часов девять. Туман сгустился, превратившись в ледяную морось. Она, закутавшись в шарф и натянув капюшон, свернула с оживленной Сенной в сторону тихих, плохо освещенных дворов-колодцев – короткий путь к метро.

Леон, как всегда, следовал на почтительной дистанции. Он заметил их раньше, чем она. Трое. Молодые, крепкие парни в спортивных костюмах, с тупой, скучающей агрессией в позах. Они курили под аркой, и их взгляды сразу же прилипли к одинокой фигурке девушки. Леон почувствовал, как по его спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с погодой. Это был чистый, не рассуждающий инстинкт.

Олеся, уткнувшись в телефон, пытаясь выбрать песню в наушниках, не сразу осознала опасность. Когда она поняла, что проход заблокирован, было уже поздно.

«Э, девонька, часики не подсказешь?» – один из них, са-

мый крупный, сделал шаг вперед, ухмыляясь. В его руке блеснуло горлышко бутылки.

Олеся остановилась, замерла. Леон видел, как ее плечи напряглись, как она медленно опустила телефон, оценивая ситуацию. Страх был в ее глазах, но не паника.

«Отстаньте, – сказала она тихо, но четко. – Сейчас же крикну».

«Кричи, не кричи, – другой, потоньше, засмеялся. – Здесь эхо хорошее, всем понравится».

Они начали расходиться, чтобы окружить ее. Леон уже двигался. Он не бежал со сверхъестественной скоростью – это привлекло бы внимание, нарушило Пакт. Он просто быстро шел, его темное пальто сливалось с тенями. Его лицо было каменной маской.

Первый, с бутылкой, уже протягивал к Олеся руку, чтобы схватить ее за сумку. Леон оказался рядом как из-под земли.

«Девушка сказала – отстаньте».

Его голос прозвучал тихо, но с такой ледяной, нечеловеческой твердостью, что все трое вздрогнули и разом оберну-

лись. Они увидели высокого мужчину в дорогом, но неброском пальто, с лицом, на котором не было ни страха, ни злости – только абсолютная, безразличная уверенность.

«А ты кто такой? Герой? – огрызнулся здоровяк, пытаюсь скрыть внезапную неуверенность. – Иди своей дорогой, пока цел».

Леон не ответил. Он просто посмотрел на него. Прямо в глаза. И позволил чуть-чуть – самую крошечную каплю – выпустить наружу то, что он обычно скрывал. Холод веков. Бездонную, хищную пустоту, лежащую в основе его существа. Он не изменялся внешне, не показывал клыков. Он просто на секунду перестал «казаться» человеком.

Глаза здоровяка округлились. Что-то первобытное, глубоко запрятанное в его мозгу, среагировало на древний сигнал опасности. Он отшатнулся, побледнев.

«Пошли, – прохрипел он своим приятелям, не отрывая взгляда от Леона. – Черт с ней, псих тут какой-то».

Они отступили, стараясь не поворачиваться спиной, и быстро скрылись в тумане.

Леон снова взял себя в железные тиски, загнав свою сущ-

ность обратно в глубины. Он обернулся к Олесе. Она стояла, прислонившись к сырой кирпичной стене, дыша прерывисто. Она смотрела на него не со страхом, а с потрясением и невероятным облегчением.

«Вы... – она выдохнула. – Охранник с того бала».

«Лео, – сказал Леон, решившись на полуправду. Его настоящее имя было слишком узнаваемо в определенных кругах. – Меня зовут Лео».

«Олеся, – автоматически ответила она. – Боже, я думала... Спасибо. Еще раз. Вы, как ангел-хранитель, появляетесь в нужный момент».

«Не ангел, – сухо ответил Леон, чувствуя горькую иронию. – Случайно шел мимо. Эти районы небезопасны по вечерам».

«Да я знаю, – она сторбилась, натягивая капюшон обратно. – Просто спешила. Еще раз спасибо. Огромное».

Они стояли в молчании несколько секунд. Леон знал, что должен уйти. Сейчас. Пока она не задала лишних вопросов. Пока он не почувствовал снова этот запах с такой близости. Но ноги не слушались.

«Я... я могу проводить вас? До метро или до дома?» – произнес он, и его собственные слова прозвучали для него чужими.

Олеся посмотрела на него, изучающе. Потом кивнула. «До метро, пожалуйста. Если вам не по пути...»

«Мне по пути, – солгал он. – По пути».

Они пошли бок о бок по скользкой брусчатке двора. Неловкое молчание постепенно начало заполняться разговором. Она говорила больше, все еще на взводе от адреналина. О том, что работает в антикварной лавке, учится на искусствоведа, что сегодня как раз привезли партию старых книг из какого-то разоренного архива, и она целый день их разбирала. Он слушал, впитывая каждое слово, каждый оттенок ее голоса. Ее речь была живой, наполненной искренним интересом к тому, что она делала. Никакого лицемерия, никакой игры. Просто жизнь.

Они вышли к освещенной улице и станции метро «Сенная площадь». Олеся остановилась.

«Ну, я тут. Еще раз спасибо, Лео. Без вас могло быть... плохо».

«Берегите себя, Олеся, – сказал он, и это звучало как самая искренняя просьба, которую он когда-либо произносил.

«Постараюсь, – она улыбнулась, и эта улыбка, неуверенная, но теплая, ударила его в сердце с большей силой, чем любой клинок. – Может... может, как-нибудь кофе? В знак благодарности? Я работаю в той лавке, «Фолиант». Можете зайти, если будете рядом».

Она произнесла это быстро, смущенно, и сразу же отвернулась, как будто пожалев о сказанном.

«Я... подумаю, – ответил Леон, не в силах отказаться сразу. – Спокойной ночи, Олеся».

«Спокойной ночи».

Она скрылась в недрах метро. Леон долго стоял у входа, не обращая внимания на странные взгляды прохожих. Запах ее, смешанный теперь с запахом ночного города, дождя и ее легких духов, все еще витал вокруг него. Но теперь к голоду и любопытству прибавилось нечто еще. Острая, мучительная нежность. И осознание того, что эта простая человеческая девушка, сама того не зная, протянула ему тонкую, хрупкую ниточку. Ниточку, связывающую его с тем миром, который

он забыл. И он уже не был уверен, что сможет, что захочет ее оборвать.

В его кармане зазвонил телефон. Он посмотрел на экран. «Денис». Друг. Сообщение было кратким: «Леон, где ты? Кассиус спрашивает. Говорит, дело не терпит отлагательств. Что-то связано со старыми пророчествами. Отзовись».

Холод, от которого он начал оттаивать, снова медленно пополз внутрь, смешиваясь с новым, странным теплом. Начиналась буря. И он стоял в самом ее эпицентре.

ГЛАВА 3: ПРОБУЖДЕНИЕ СИЛЫ

Сила всегда была для Леона не более чем инструментом. Ускорение, обостренные чувства, способность влиять на слабый ум – это были атрибуты его существования, как дыхание для человека. Он никогда не задумывался об их природе, как рыба не задумывается о воде. До сегодняшнего дня.

Кабинет отца в особняке на Английской набережной не изменился за сотню лет. Темный дуб, тяжелые портьеры, запах воска для мебели, старой кожи книг и вечной, нерушимой власти. Кассиус стоял у камина, в котором, впрочем, не горел огонь – он лишь имитировал игру пламени с помощью скрытых светодиодов. Еще одна иллюзия в их мире иллюзий.

«Твои отлучки участились, Леон. И стали предсказуемыми. Район Коломны, Сенная площадь, университетский квартал. Это не места наших интересов».

Леон, стоявший посреди ковра, почувствовал, как по спине пробежал холодок. За ним следили. Конечно.

«Я изучаю город, отец. Как ты и советовал. Чтобы понять, как он меняется».

«Не ври мне, – голос Кассиуса оставался ровным, но в нем появилась стальная нить. – Ты преследуешь какой-то след. Чей-то запах. Я чувствую это в тебе. Твоя кровь беспокойна. Это опасно. Особенно сейчас».

«Что значит «особенно сейчас»?» – спросил Леон, переводя разговор.

Кассиус медленно повернулся. В его руках был не книжный фолиант, а тонкая папка из черной кожи. Он открыл ее и извлек несколько листов пергамента, испещренных выцветшими чернилами и странными, угловатыми рисунками. Он положил их на бюро под свет зеленой лампы.

«Ты знаешь нашу историю. Войну Клыкков. Пакт. Но есть вещи, о которых говорят только Старейшины. Пророчества, которым больше тысячи лет». Он провел пальцем по центральному изображению. Там был схематично изображен полумесяц, но не чистый серебряный, а как будто наполненный багровым светом. Из него исходили два луча: один падал на стилизованную фигуру вампира, и та рассыпалась в прах; другой касался другой фигуры, и та обретала крылья из сгустившейся тьмы. Внизу были строки на латыни.

«Sanguis Lunae», – прочитал вслух Кассиус. – «Кровь По-

лумесяца». Пророчество гласит, что в эпоху великого раскола, когда тень ляжет на тень, родится носитель крови, наделенной силой самой луны. Кровь эта... двойственна. Для одного из наших рода она может стать ключом к пробуждению мощи, о которой мы забыли. Мощи, что позволит не просто выживать в тени, а повелевать самой тьмой. Но для другого... она станет ядом. Чистейшим солнечным светом, заключенным в жилах. Смертью от одного прикосновения, одного глотка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.